

Юрий Кербуров

Русский Марат

Пронзительный роман о любви, бунте против власти,
трудном выборе между идеями и стремлением к свободе
и о неумолимой совести.

Юрий Кербунов Русский Марат

<https://litres.ru/73462682>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это реальная история. Юный Николай, движимый жаждой справедливости и одержимый идеями анархизма, вместе с друзьями поднял бунт против коммунистической власти в своем маленьком городке. ЧК быстро подавило их порыв. Арест разлучил Николая с семьей и с Машей, его первой любовью, взбалмошной дочерью чекиста. Уверенный, что его расстреляют, он пережил нервный срыв. Но вместо пули – высылка на Соловки. Там Николай встретила не каторга, а свободная жизнь в коммуне полититзключенных. Внезапный расстрел его друзей уничтожил этот мираж свободы, окончательно травмировал психику Николая и заставил его переосмыслить свои убеждения. Он решил просто выжить и вырваться на свободу. Используя свое состояние, Николай начал трудные поединки с врачами, порой не ощущая грани между болезнью и симуляцией. Он победил, попал в сумасшедший дом, но вырвался и оттуда. На воле Николая ждали новые испытания и внезапные повороты судьбы, но неожиданная встреча с Машей – той самой, из прошлой жизни – изменила всё.

Содержание

Детство	4
От Марата до Кропоткина	11
Бунт	15
Револьверы и клише	24
Первый поцелуй	27
У	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Русский Марат

Детство

«Бестолочь ты, а не портной!» – не выдержал отец и дал Петьке подзатыльник. Тот насупился и обиженно молчал. Петька ходил в училище, но в учебе и рукоделии не преуспел. Больше всего он любил животных и с радостью ухаживал за коровой, кормилицей семьи. Его младший брат Коля, наоборот, заявил: «Хочу сам шить одёжу».

«Портняжка ты наш, – посмеялась мама. – Видать, в отца пошел!»

На обрезках ткани Коля учился размечать, кроить и шить на швейной машине – отец сажал его верхом на колени, другой ногой жал на педаль и направлял его ручонками ткань под прыгающую вверх-вниз иглу.

Иногда доставалось и Коле, но в отличие от брата, он не обижался, а бунтовал, воспринимая гнев отца как несправедливость. Отец его не подавлял, потому что в детстве сам получал незаслуженные нагоняи от своего папаши.

Родители работали с детства и проучились в церковно-приходской школе всего два года, кое-как освоив письмо, арифметику и чтение. Мать, Мария Гавриловна, несмотря на хороший почерк, писала с трудом, считала так себе, а читала по слогам, поэтому вместо чтения книжек на ночь рассказы-

вала детям сказки, в коих была мастерица.

Коля часто просил: «Мама, ласказы сказку пло тебя и папу!» – «Я ведь уже сказывала!» – «Хатю есё». «Ну ладно, слушай. Это не сказка, а былль. Я жила с добрым папенькой и красивой, но злой мачехой-ведьмой. Маменьку я не помню, помёрла она рано. Папенька любил меня и рассказывал чудесные сказки. Мачеха околдовала моего мягкого папеньку, и он ей все прощал, а меня превратила в чернавку и с утра до ночи изнуряла самой тяжкой и грязной работой. Однажды в нашу деревню заехал добрый молодец Василий, и случилась у нас любовь с первого взгляда. Он коснулся меня волшебной иглой, разом обрядил в нарядный сарафан и сказал: «Выходи за меня, красна девица!» Я обрадовалась и сказала, что я согласная, если папенька дозволит. Мы бросились папеньке в ноги, он благословил нас, потом пешком ушли в родное село Василия, там обвенчались в Покровской церкви, а после свадьбы уехали сюда, стали жить-поживать, добра наживать и детей пестовать». Мама каждый раз рассказывала эту историю чуть по-новому и Коле она не надоела. Одной сказки было мало, и он просил: «А тепель пло Бабу-Ягу». Мама рассказывала, а Коля засыпал, не дождав-шись конца.

Самым первым Колиным воспоминанием были коровы, идущие мимо окна, возле которого стояла его кровать. Тогда ему было год-полтора. Рано утром пастухи собирали городское стадо из сотен коров, овец и коз и гнали его на паст-

бище. В полдень хозяйки самых дойных буренок шли в поле на дневную дойку, а в конце дня бабы и дети поджидали у ворот степенное идущее стадо и разбирали свою скотинушку. Коле было шесть лет, когда Сашка Беляев с соседней улицы, старше его на год, предложил на спор остановить большого козла, который всегда шел впереди овец.

– А вот возьму и остановлю! – ответил Коля.

– Собздишь! – презрительно подначил его Сашка.

– А вот и нет!

Не раздумывая, Коля выскочил на дорогу, преградил козлу путь и обеими руками схватил за рога. Козел мотнул головой, отбросил его и важно прошествовал дальше.

Отец, Василий Иванович, доучился сам, читал и писал хорошо, а считал еще лучше. Он вообще не пил спиртного, но в буфете всегда держал бутылку водки для гостей. Дети побаивались сурового и требовательного отца и льнули к доброй матери.

«А как ты нашел маму?» – спросил отца подросший Коля. Он решил проверить мамину сказку. Отец про нее не знал и рассказал, как все было на самом деле. «В молодости я с бродячей артелью обшивал народ по окрестным деревням и в Пузикове заметил бедно одетую, но пригожую девушку с русой косой до пояса. Мне сказали, что это Маруся, дочка Гаврилы Сырникова, 16 годков ей, с мачехой не ладит, особо как та сына Ваньку родила. Всю ночь я на глаз шил ей сарафан, а на следующий день осмелился подойти и вручил пода-

рок. Она обрадовалась, зашла за ближний сарай и вернулась в обнове красавицей. Сарафан пришелся впору. Помню, что свое старое платье Маруся так и бросила за сараем. Мы прошли по деревне под любопытные взгляды. Ободренный, я решился и как в омут кинулся: «Выходи за меня!» Я боялся, что засмеет, но Маруся ответила так, словно ее пригласили не замуж, а в лес по ягоды: «Пойдемте, я папеньку из избы позову и, если он дозволит, то я согласная». Ее отец посмотрел на меня по-доброму и спросил: «Васька Кербунов? Так ты стал быть сын Иван Макарыча и Евдокии Федоровны?» Он благословил нас без иконы прямо на улице: «Будьте счастливы! Василий, береги ее. Вещи ёйные я привезу потом на телеге». Отец дал Марусе на память своё фото из модного ателье Теодора Любича в Питере – она в спальне висит, на ней он с окладистой бородой и растрепанными волосами сидит в зипуне и валенках с большой пушистой шапкой в руке. Я утряс артельные дела и ушел с Марусей пешком в свое село Кашинское Устье. Там и венчались. Гаврила приехал без жены и дал аж 100 рублей утаенного от нее приданого. На уговоры родителей остаться я ответил: «И что, мне опять по деревням ходить? Нет, в городе люди сами ко мне пойдут». Так мы поселились здесь в 100 верстах выше по Волге от родных мест».

Денег хватило снять комнату с кроватью и купить швейную машину. Стол и два стула Василий сделал сам из дровяшек, что бесплатно дали хозяева. Он шил одежду на заказ

и на продажу, работал увлеченно и неутомимо, а жену в дела не посвящал. Через три года он подогнал извозчика и удивил беременную Марусю: «Поехали, покатаю!» Ехали недолго и остановились возле большого деревянного дома. Он завел ее через калитку во двор, потом на крыльцо и распахнул дверь. «Заходи, это наш дом, я его купил, и кровать приобрел, она уже в спальне!» Пораженная Маруся только ахнула.

Их дом на цоколе из белого пиленого известняка выделялся пятью высокими окнами по фасаду и мезонином. За домом были сад, огород, сарай, баня и пруд. В передней части дома жила растущая семья, а в задней, за переходом, Василий Иванович устроил швейную мастерскую с наемными рабочими. В торговых рядах он держал магазин готовой одежды и к сорока годам стал богатым горожанином, но хранил обычаи крестьянской жизни: за столом все ели щи из общей миски деревянными ложками, а когда жидкость заканчивалась, по его команде «С мясом!» каждый брал по куску.

На семейной фотокарточке 1911 года во дворе на фоне кустов отцветшей сирени 8-летний Коля в гимназическом мундире стоит слева, независимо отстранившись от старшего брата Пети 14-ти лет. Видно, что они не особо ладят. Петя выше на голову, даже с учетом картуза у Коли на макушке. Он смотрит открыто и простодушно, а Коля – недоверчиво и так серьезно, что невольно кажется, будто он старше Пети. В центре на стульях рядом сидят отец и мать. У отца чуб набок, усы и небольшая борода, у матери зачесанные назад длин-

ные волнистые волосы, у обоих – ни морщинки и ни сединки. Отцу сорок один, он строг, полон сил и энергии, одет в костюм-тройку и сорочку, между распахнутыми полами пиджака видна цепочка карманных часов, а матери, красавице с задорно вздернутой левой бровью в темном платье с рюшами всего тридцать три и у них еще родятся дети. К коленям родителей спиной прижимается двухлетний Алеша, наряженный длинное белое платьице и детский поварской колпак. Его придерживает мать, чтобы не убежал. Рядом спокойно стоит 7-летняя Клава в клетчатом платье, сцепив руки на животе. На правом краю молодая нарядная нянька стоя держит на руках годовалого Павлика. По команде фотографа все, включая младенца, внимательно смотрят в объектив фотоаппарата, ожидая что «сейчас вылетит птичка».

Понимая, что портного из Пети не получится и, видя его любовь к животным, Василий Иванович накануне Первой мировой войны отвезет его в Москву учиться на ветеринара. Им он и будет служить во время той войны, а в Гражданскую – воевать в Красной коннице, из-за чего между ним и отцом произойдет раскол. Он женится и оседет на Украине, а матери будет писать письма, полные уважения и любви, и присылать фотокарточки – свои и семейные с женой и маленьким сыном.

Во время Гражданской войны Василий Иванович меньше чем за месяц потеряет оставшихся в родном селе мать, от-

ца и сестру, а в его семье от дизентерии за несколько дней умрут друг за другом сразу четверо: Клава, Павлик и еще двое детей, которые родятся вслед за ним. Он все перенесет, но эта беда сильно потрясет Марию Гавриловну. Она будет крепиться и родит еще мальчика и девочку.

От Марата до Кропоткина

В гимназии Коля учился хорошо, много читал, увлекался идеями Великой французской революции и личностью Жан-Поля Марата. С ним он ощущал внутреннее родство – Марат писал, что уже в восемь лет воспринимал несправедливость за личную обиду. Колю вдохновлял его образ пылкого революционера, ненавидевшего богатых и не доверявшего политикам, оставшегося с народом до конца, когда его, преданного и бескорыстного друга бедных, одевавшегося как они и принципиально сидевшего на хлебе и воде, прямо в ванной зарезала роялистка. Впечатлительный Коля представлял себя на месте Марата, почти физически чувствовал вонзившийся нож и видел, как вода окрашивается кровью, с отчаянием сознавая непоправимость случившегося. Марат заявлял, что государство создано с помощью насилия, все его законы служат господству над бедняками, которых оно грабит и вынуждает отбирать собственность у богатых. Он оправдывал любые выступления против несправедливого государственного строя.

Взяв власть, коммунисты подняли имя Марата на свой щит – переименовали улицы в его честь, поставили памятник в Москве, а после подавления восстания в Кронштадте мятежному линкору «[Петропавловск](#)» дали имя «Марат». Но вся эта помпезность не изменила отношение выросшего

Коли к Марату – в свое время тот не поддержал коммунистов, чтобы народ Франции не потерял тяжело завоеванной свободы.

После революции Колю заинтриговал анархист Михаил Бакунин, чьи книги издали большевики, хотя он был против диктатуры пролетариата, считая ее угрозой самовластию нового революционного лидера. Бакунин рано оставил военную службу, уехал за границу, где водил знакомство с революционерами. О его опасных связях узнало правительство и потребовало вернуться, но Бакунин отказался и был лишен дворянства. Его взгляды были и впрямь разрушительными: революция должна уничтожить государство путем вооруженного бунта и создать новое общество – добровольное объединение самоуправлений общин. Неистовый Бакунин свои взгляды подкреплял участием во многих восстаниях в европейских государствах и их организацией.

Князь Петр Кропоткин, аристократ, выпускник Пажеского корпуса, многогранный талант, ученый и революционер, поначалу заинтересовал Николая как историк. Его книгу «Великая французская революция 1789-1793» он прочитал в захлеб. Кропоткин отказался от светской жизни, в 19 лет отправился служить казачьим есаулом в необжитую и малоизученную Восточную Сибирь и на пять лет стал путешественником и первооткрывателем.

За участие в подпольном революционном кружке он попал в Петропавловскую крепость, но с помощью друзей бе-

жал из арестантского отделения госпиталя, куда его перевели по болезни, и на сорок лет оказался в эмиграции. По возвращении в Россию в 1917 году его ждал восторженный прием огромной толпы, почетный караул гвардейского полка и оркестр, который играл «Марсельезу», торжественный гимн Великой французской революции, столь близкий сердцу Кропоткина.

Позже Керенский предложил Кропоткину пост министра во Временном правительстве, но тот не особо вежливо отказался, не желая даже прикасаться к казенному пирогу. Даже нуждаясь, он отверг помощь и правительства коммунистов.

Николая увлекли анархические идеи Кропоткина отрицания государства. Людям предлагалось самим создать новый общественный строй – добровольное объединение самоуправлений, коммун и кооперативов на основе взаимопомощи, что даст всем желанную свободу, справедливость и равноправие.

Кропоткин умер в феврале 1921 года. Кадры кинохроники многотысячных похорон показали, насколько люди уважали и ценили его. Вслед за гробом вместе с родными, друзьями и разного рода революционерами шли анархисты с лозунгами «Где власть там насилие», «Обществу, где труд будет свободный, нечего бояться тунеядцев», «Нет яда более подлого, чем власть над людьми» и «Вечная слава мировому учителю анархизма».

Для Николая идеи анархизма воплощали мятежный дух

борьбы, постоянное искание и открытие нового, свободу мысли и отрицание навязанных государством понятий. Он охотно делился своими взглядами с товарищами и заинтересовал Сашку Беляева, Женьку Солоницына, Сережку Серговского и Мишку Логинова. Их отцы, кустари и торговцы, до революции имели свое дело и жили хорошо, а теперь бедствовали. Понятно, что сыновья переняли их недовольство.

Бунт

Гражданская война исковеркала жизнь не только смертью детей и близких. В городе воцарилась удушливая атмосфера власти чужих людей и крикливых руководящих лозунгов: «Долой спекулянтов!», «Ни копейки частному торговцу!», «ЧК – глаза и уши пролетариата», «Религия – орудие эксплуатации!», «Неплательщики налога – враги трудового народа!», «Штыком победили – победим молотом!», «Юноша – почему тебя нет в рядах допризывников?», «Кто не пойдет на воскресник, тот жаждет страданий трудового народа!», «Убьем наукой засуху и голод!», «Дадим государству месячный заработок взаймы!» Новости запаздывали – железная дорога была далеко, а судоходство по Волге, оживленное до революции, замерло. Заводики встали. Не стало бойких ярмарок с товарами из окрестных деревень. Портновское дело отца заглохло. Семья выживала за счет коровы, огорода, сада, ловли рыбы в Волге, грибов и ягод.

Собирать ягоды было невыносимо скучно, а вот грибы – совсем другое дело! Когда-то погожим летним утром отец взял маленького Колю в лес по грибы, оставив Петьку помогать матери. Коля был без корзинки и убежал от отца. На полузаросшей тропинке он вдруг наткнулся на здоровенный гриб с богатырской ножкой и бархатисто-коричневой шляпкой. Коля опустился на колени, ощутил его приятный запах

и с трудом вытащил из земли. Увлечшись, он не обращал внимания на отдаленные крики «Коля, Коля!» Он не узнал голос отца потому что он не слышал его в лесу и привык к строгому обращению «Николай». На всякий случай он тоже начал кричать: «Ау, ау!» Отец вскоре подошел:

– А я уже боялся, что потерял тебя! Это ты нашел? – Ага, сам.

– Молодец, поздравляю с первым белым! – А почему его белым зовут?

– Смотри, там, где я ножку обрезал от земли, гриб белый. Он хоть и большой, но молодой, загляни ему под шляпку – там все белое. А еще, когда мы сушим грибы на зиму, все грибы чернеют, а этот нет. Короче, белый он во всем белый, так и прозвали.

С того дня грибной азарт захватил Колю и он долго помнил свои лучшие белые. Для заготовки грибов переправлялись на пароме через Волгу и в тамошних лесах корзинами брали одни белые, подосиновики, грузди и рыжики, которые сушили и солили.

Коммунисты запретили торговать зерном и заставляли крестьян сдавать излишки по низким ценам, а те старались продать дороже – частникам. Предприимчивый Василий Иванович не сидел сложа руки и занялся торговлей зерном, но в 1919 году его осудили за спекуляцию хлебом и лишили избирательных прав. В ту пору он впервые посетовал: «Не дают *товарищи* жить!»

В их город иногда попадала анархистская литература и листовки с призывами к экспроприации, вооруженному восстанию, революции и созданию анархических коммун. Дошли, хоть и с опозданием, призывы восставшего Кронштадта.

– Они требовали убрать комиссаров и коммунистов из советов, освободить всех политзаключенных, предоставить обещанные Лениным права и свободы, разрешить крестьянам распоряжаться землей, свободную торговлю и кустарное производство собственным трудом. Эту власть возненавидели даже балтийские матросы, «краса и гордость русской революции», как их называли сами большевики, – сказал Коля.

– Я подписался бы подо всем, только с ними жестоко расправились. Отчаянные были мужики! – ответил отец.

Не считая величественного собора, новенькая двухэтажная краснокирпичная гимназия, где учился Николай, была самым заметным и красивым зданием в городе. В 1918 году ее преобразовали в единую трудовую школу, которую он и окончил. Николай вырос в сильного парня на полголовы выше отца, с крепкой шеей, решительным лицом и серьезным взглядом карих, как у отца, глаз, в которых угадывались самолюбие и настойчивость. Его лицо немного портили красные пятна от выдавленных юношеских угрей. Стригся он коротко, но носил бакенбарды, которые подчеркивали скулы и волевою челюсть, придавая лицу немного бунтарское выражение.

Ближайшим другом Николая был Федор Кузнецов, стар-

ше на три года, среднего роста, сдержанно-приветливый, со строгим взглядом серых глаз. Аккуратные усы и борода делали его старше. Федор жил за Волгой, у своей бабки в деревне Хотмирово, окруженной лесами, где в ближайшем селе у него было место учителя начальной школы. Вне школы он любил одеваться как толстовец в подпоясанную рубашку поверх брюк, но толстовцем не был, а считал себя анархистом. В начале 1922 года его пытались привлечь за анархизм, но дело прекратили, так как предъявить было нечего. Федор часто навещал своих родителей, живших рядом с Николаем. В гимназии он не обращал на него внимания, но когда тот вырос, они обнаружили общность взглядов.

Как-то Федор задал ему вопрос:

– Царь казнил старшего брата Ленина, Александра. У Кропоткина тоже был старший брат, тоже Александр и жертва царизма – застрелился под конец 10-летней ссылки. Как ты думаешь, Ленину и Кропоткину хотелось отомстить царской фамилии?

– Насчет Кропоткина я уверен, что нет, он был интеллигентным, незлобивым и ни к кому не испытывал ненависти. Человек, в старости похожий на доброго Деда Мороза, не способен желать крови, а Ленин мог и мстить, царя-то недавно расстреляли при нем. Похоже, что он мстил вообще всем *бывшим*, – ответил Николай.

Немного помолчав, он предложил то, что давно вертелось в голове:

– А давай организуем анархическую группу!

– Знаешь, я и сам хотел предложить!

– Я возьму себе кличку Русский Марат, – сказал Николай.

– А я буду Кузнец – кузнец своей судьбы, – ответил Федор.

Пригласили ребят, которые уже заинтересовались анархизмом. Они тоже взяли себе клички: Сашка Беляев – Белый, Женька Солоницын – Солёный, Мишка Логинов – Лог, Сережка Серговский – Серж. Последние двое были самыми молодыми, а Беляев – самым непримиримым к коммунистам, он ненавидел их за зверства.

Был октябрь и встречаться на природе было холодновато. «Давайте соберемся в воскресенье у меня дома, – предложил Белый. – Я живу один с матерью, дом большой, я ей говорил, что у нас образовательный кружок, она возражать не будет». Там в дальней комнате и собрались. Расселись кто куда. Первым взял слово Николай.

– Моя кличка Русский Марат. Великая французская революция так преобразила страну голодных восстаний, что Франция, освободив простой народ и разбогатеv под лозунгом «Свобода, Равенство и Братство», смогла целых 15 лет вести войны Наполеона. А у нас революция коммунистов разорила страну и принесла бесправие, потому что их власть карает людей по своим несправедливым законам. Коммунисты уничтожают веру в Бога, а совесть подменяют послушанием. Мы должны бороться за равноправие и справедливость. Если их попирают, они пробиваются бунтом – вспом-

ните Емельяна Пугачева. Кстати, его ближайший соратник Хлопуша родился и вырос в Мошковичах, в трех верстах отсюда. Кропоткин не мирился с несправедливостью и мы должны продолжать его дело. Наши отцы ворчат, но ничего не делают, а мы должны идти дальше и бороться против коммунистов. Анархизм – это не хаос, как они утверждают, а другой порядок без государства и принуждения. У кого есть вопросы?

– Правда, что анархисты против семьи и регистрации брака?

– Они не против семьи, а против регистрации брака у государства, потому что оно должно исчезнуть. Церковь тоже инструмент власти над человеком, поэтому анархисты выступают против подчинения ее авторитету. Анархисты за семейные отношения на основе любви и равноправия без оформления любых бумаг.

– А правда, что анархисты против Советов?

– Неправда, они за Советы, но без коммунистов. Советы – это настоящее самоуправление народа. Больше вопросов нет? Кузнец написал Устав, послушаем.

Кузнец заявил, что официально группа ничем незаконным не занимается, а затем уверенным учительским голосом зачитал с листа: «Официальная цель группы это пропаганда анархизма с просветительской и культурной целью для саморазвития. Форма деятельности: агитация среди молодежи путем публичных выступлений и распространения листовок.

Все должны хранить тайну о принятых решениях. Членские взносы платить не надо. Вступать может только молодежь по рекомендации двух членов группы. Структура: руководитель, его заместитель и члены, объединенные в двойки и тройки по направлениям работы. Если есть вопросы, прошу задавать, но помните, что настоящая цель группы – активные действия против коммунизма».

– А если потребуются деньги?

– Экспроприруем или напечатаем. Чтобы отъем денег считался политической, а не уголовной акцией, нужно зарегистрироваться в губернской организации анархистов.

Продолжил Николай:

– Предлагаю избрать руководителя группы и заместителя.

Какие предложения?

– Ты будешь руководить! Даешь Марата! – Все помнили время, когда он возглавлял мальчишек своей улицы в драках с соседними улицами. Одни бились на его стороне, другие – против, но каждый уважал Николая как вожака и бойца.

– Другие предложения есть? – Нет!

– Голосуем. Принято. Предлагаю моим заместителем Кузнеца.

Утвердили единогласно. В заключение Марат сказал:

– Я съезжу к губернным анархистам. Через неделю обсудим, как отметить пятую годовщину так называемой Октябрьской революции. И еще. Если обнаружите слежку, издали дайте знак – станьте левым боком и почешите кончик

носа указательным пальцем левой руки. Потом пишете записку для меня, которую кладете в нишу задней стены первого склепа за церковью на кладбище. Там все заросло кустами, никто не увидит. Нишу найти легко – десятый ряд кирпичей снизу, третий кирпич справа, он легко вынимается. Приходим по одному, читаем указания и четко выполняем.

К годовщине Октябрьской революции решили расклеить листовки. Их написал сам Марат, все одобрили и размножили. Во вторник 7 ноября 1922 года по новому стилю удивленные люди находили расклеенные повсюду листы бумаги, на которых печатными буквами от руки было крупно написано: *«Где власть, там нет свободы! Свобода в безвластии! Гражданин, проснись от спячки – свергай ненавистных тебе коммунистов!»*, *«Долой коммунистов – угнетателей рабочего класса. Когда взойдёт заря свободы – тогда не будет власти и коммунистов»*, *«Долой пятилетнюю власть подонков общества! Хватит пятилетнего рабства! Да здравствует анархия, пора восстать»*. Или: *«Кто теперь капиталист? Ответ народа – коммунист. Кто ограбил голодающих? Ответ – грабитель-коммунист»*.

Еще расклеили воззвание, написанное Маратом с участием Кузнеця: *«Рабочие и крестьяне! 25-го октября исполняется пять лет, как вас угнетают и грабят. К вам, угнетённым проклятой советской властью, обращается ваша мысль. Вас душат налогами, ссылают и убивают ваши стремления. У вас отняли религию, веру, надежду и хотят*

наложить цепи материализма. Развращают молодёжь, говоря, что нет Бога. Вникните во все, что делают ваши власти и гоните их прочь. Вам говорят, что хозяин земли Советская власть. Нет, она не была хозяином и не будет, хозяин тот, кто работает на ней – трудовой народ. Никто не властен отнять у вас хлеб, а между тем его у вас отняли и заставляют голодать, продавать последнюю рубашку и корову, вас обирают, а вы все молчите. Довольно молчать! Не дорожите жизнью, лучше смерть, чем такие беспорядки! Мы, лучшие силы народа, обращаемся к вам – помогите свергнуть ненавистное иго».

Револьверы и клише

Группа решила, что для экспроприации необходимо оружие. Марат предложил напасть на сотрудника ГПУ, так теперь называли чекистов, и отнять у него пистолет.

– Слушай, это очень рискованно, – возразил Кузнец. – Я кажется знаю, где может быть оружие. Помнишь, еще до революции мы шли из горсада по нашей улице и вдруг услышали выстрелы со стороны дома купца Кашехлебова. Рядом с ним пустует участок. Мы зашли на него и через забор подсмотрели как Кашехлебов в саду из револьвера по бутылкам стрелял, а бутылки разлетались на осколки!

– Помню, конечно. Ну и что?

– Кашехлебов умер не так давно, в доме живет его вдова, одна, ты ее знаешь. У нее тот револьвер наверняка остался и он боевой, не воздушка.

– Понял, может еще и патроны остались.

– Стоит проверить. Но как?

– Давай заберемся в дом, когда она уйдет, или ночью, когда уснет.

– Есть проблема – она нас хорошо знает, может узнать и заявить.

– Хорошо, – согласился Марат. – Поручим это дело молодежи, Логу и Сержу, она их точно не знает, а если и увидит, то не запомнит, старая уже, на всякий случай пусть на ли-

да платки повяжут да кепки оденут, чтобы были видны одни глаза.

Гордые тем, что удостоились ответственного задания, Лог и Серж в сумерках подошли к дому Кашехлебовой, убедились, что за ними никто не наблюдает, повязали на лицо платки, поглубже надвинули кепки и со свободного участка забрались в сад.

– Смотри, на чердак лестница стоит, – прошептал Лог. – Может, оттуда и начнем, вдруг купец револьвер во время революции на чердак перепрятал?

– Давай, – согласился Серж. Они поднялись, осветили чердак фонариком – хлама там всякого было немерено – и долго осторожно ходили среди старых вещей, пока в углу под старым пыльным пальто не нашли такой же старый чемодан с книгами.

– Хоть книжки возьмем почитать, – тихо пошутил Лог. – Посвети, я посмотрю.

Он рылся в книгах, когда неожиданно наткнулся на что-то железное: под книгами оказалось сразу три револьвера, да еще и коробка патронов!

– Дайте я вас обниму, – сказал Марат, принимая оружие. – Как все прошло?

Оружие спрятали на чердаке у родителей Кузнеца.

На собрании Марат заявил: «Мы должны бить по денежной системе коммунистов не одной экспроприацией. Преж-

ние деньги обесценились и их меняют на новые, десять тысяч старых на один новый рубль. Эти новые деньги мы и будем печатать. На мелкие размениваться не стоит, крупные трудно сбыть, а десятирублевки – в самый раз». Решили, что Солёный через отца, который работал в мастерской, раздобудет латунную пластину. Серж, Лог и Белый купят в аптеке азотную кислоту как бы для химических опытов. Качественную бумагу решили искать в Москве, а водяные знаки делать тиснением, для чего заказать закаленный стальной валик. Вопрос затрат остался открытым.

Марат с Кузнецом устроились за столом в нетопленной швейной мастерской. Марат смочил купюру ацетоном и на время наклеил на латунную пластину. На ней остался красный рисунок. Когда он высох, Марат кистью нанес на него разогретый на печке воск. Кузнец долго процарапывал воск иголкой, а Марат очищал царапины мягкой кисточкой. Когда он погрузил пластину в ванночку с азотной кислотой, пошел удушливый желто-коричневый дым и Марат поспешил вынести ее наружу. После травления пластину промыли, просушили, покрасили красными чернилами и сделали оттиск на бумаге. Результат разочаровал – не получились многие детали, особенно мелкие надписи и сложные узоры вокруг цифр. Требовался опытный гравер. Это остановило дело, поэтому клише и кислоту Марат спрятал в сарае.

Первый поцелуй

В январе нового 1923 года Николай на расчищенной аллее городского сада заметил двух девушек, которые оживленно разговаривая, неспешно шли навстречу. Они были одеты не по-здешнему в длинные пальто прямого покроя с меховыми воротниками и шляпки колоколом с узкими полями, сильно надвинутые на глаза, а руки держали в меховых муфтах. Приблизившись, Николай оказался под обстрелом их живых веселых глазок, в которых светилось любопытство. Девушка, на чьей шляпке сбоку красовался алый бант, окинув взглядом его крепкую фигуру в полупальто и брюках, направленных в валенки, остановилась и спросила:

– Молодой человек, здравствуйте, а что интересного есть в вашем городе?

– Здравствуйте. Да почти ничего, музеев нет, модных домов тоже. Тут рядом есть каток. Летом интереснее – Волга, купание, катанье на лодке, грибы и ягоды. С колокольни можно увидеть дальние дали. Есть гимназия, нынче школа, с просторными классами, лабораториями и библиотекой. Преподаватели у нас замечательные.

– Наверное, мы там будем учиться. Кстати, меня зовут Маша, а это – Даша, – сказала девушка с бантом и, вынув руку из муфты, протянула ее Николаю. Он бережно пожал ее теплую ладонь и ощутил нежность тонких пальчиков. Даша

кивнула.

– Очень приятно познакомиться. Меня Николаем зовут. А как вы к нам попали?

– А наших отцов сюда направили работать, – сказала Даша.

– Откуда?

– Из Москвы.

– Ого! Москва, конечно, недалеко, но за что в такую глушь?

– Ни за что, а чтобы поднять уровень работы в вашем городе.

– Понятно. Еще у нас есть очень хорошая больница с замечательным главным врачом Русиным, лучшим чуть ли не во всей губернии, но вам это не нужно, вы просто блещете здоровьем и красотой! – Николай не удержался от комплимента, впрочем, заслуженного, особенно ему приглянулась Маша. Посмеявшись, они расстались.

Вечером Николай долго не мог заснуть, думая о Маше, ее искристых глазах и налитых губках и решил, что должен с ней встретиться. Он вскоре случайно увидел Машу. Она была не одна, а с женщиной лет сорока. Николай оценил элегантный крой его длинного черного пальто с широким меховым воротником, доходящим впереди до пояса. На голове у него был изящный округлый котелок того же цвета. Николай догадался, что это ее отец. Маша заметила Николая и с приветливой улыбкой издали кивнула ему. Мужчина отсле-

дил направление ее улыбки и его цепкий взгляд задержался на лице Николая.

Немного погодя Николай придумал, как встретиться с Машей. Он приоделся и пришел к концу уроков – она уже должна была начать учиться. И действительно, Маша вышла вместе с Дашей и не особо удивилась, увидев Николая.

– Здравствуйте! Ну как, нравится наша школа? – спросил он.

– Да, – радостно ответила Маша. – Я даже не ожидала.

– Я рад. Можно вас проводить?

– Конечно.

Они неспеша шли по заснеженной улице и Николай спрашивал об учителях, удобно ли в классе и про библиотеку. Путь был коротким.

– Ну все, спасибо, дальше мы сами, почти пришли, – неожиданно сказала Маша.

– Хорошо, а можно вас пригласить в воскресенье днем на каток? Коньки есть?

– Есть! – хором ответили девушки и засмеялись. Договорились встретиться в полдень там, где увиделись в первый раз – в горсаду.

Николай пришел первым. Вскоре пришла Маша: «Даша не придет, простудилась». Маша оделась нарядно: короткая шубка, юбка до колен, теплые чулки и ботинки, а на голове каракулевая шапочка – все черного цвета. Коньки с белыми ботинками, связанные шнурками, она несла на плече – один

спереди, а второй сзади.

Каток был расчищен на пруду. Несмотря на безветренный и не особо морозный день, людей было мало. Присев на скамейку, они одели коньки. Перед тем, как выйти на лед, Маша скинула шубку и осталась в белом свитере.

Она каталась уверенно, делала ласточку, описывала дуги и круги, приседала, сближая коньки и поднималась, разводя их в стороны, переходила от скольжения вперед к движению спиной и наоборот. Николай любовался ее красивыми ногами и покрасневшимся лицом.

Насмотревшись, он брал ее руку и они плавно прокатывались вместе. Потом он опять отпускал Машу и смотрел на ее грациозные движения.

Когда ей надоело резвиться одной, Маша вдруг покати-лась на Николая и наехала так, что он потерял равновесие и, уцепившись за нее, сел на лед, а она, не в силах остановиться, опрокинула его на спину, упала на него лицом к лицу, засмеялась, коротко чмокнула в губы и вперилась испытующим взглядом. Он робко потянулся губами, а она откликнулась долгим откровенным поцелуем всасос и почувствовала, как что-то твердое вдруг уперлось ей ниже живота. Придя в себя, они огляделись, но никто на них не смотрел – люди часто падают на льду.

Маша сказала: «Я устала, хватит. Не провожай, отцу может не понравиться. Встретимся в следующее воскресенье прямо здесь в это же время». Это был первый настоящий по-

целуй в жизни Николая. Он летел домой окрыленный, влюбленный и как никогда счастливый. Ночью ему снился секс с какой-то незнакомой взрослой женщиной, и он проснулся с мокрыми трусами.

Однако на следующее воскресенье Маша не пришла. В понедельник Николай бросился искать ее возле школы, но стоявший там незнакомый мужчина остановил его:

– Кто таков? – Николай назвался.

– Здесь находится запрещено.

– Почему? – спросил Николай.

– Ты мне еще поговори! – пригрозил мужчина и Николай отошел. Потом он издали смотрел, как тот мужчина сопровождал Машу и Дашу.

y

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.